

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

УДК 81-13'23'27

DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-108-121

ЧТО МОЖЕТ ДАТЬ СОЦИОЛИНГВИСТИКЕ ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ГРАММАТИКИ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА (НА МАТЕРИАЛЕ БУРЯТСКОГО)

Полина П. Дашинимаева

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
Российская Федерация

Эржена З. Нимаева

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова,
Российская Федерация

В данной статье осуществляется попытка убедить социолингвистов рассматривать статус регионального языка не с точки зрения внешних лингвистических свойств, а сквозь призму основных принципов теорий речепорождения и нейрофизиологических оснований механизма взаимодействия языков. Задача исследования заключается в теоретическом обосновании следующей гипотезы: грамматика (синтаксис и морфология) обладает наибольшей «силой закрепления» в памяти би- и полилингва, вследствие чего при реверсивной стадии билингвизма она утрачивается в последнюю очередь. В статье утверждается, что функциональный регресс языка, возникающий вследствие сложных когнитивных процессов, обуславливается взаимоотношениями между ментальным лексиконом и ментальной грамматикой. Выдвинутая в статье гипотеза получила теоретическое и частично практическое обоснование путем обращения к когнитивному подходу к синтаксису и проведения экспресс-эксперимента на выявление степени утраты родного языка.

Ключевые слова: билингвизм, речепорождение, интерязык, грамматика, бурятский язык, бурятско-русский билингвизм.

HOW CAN TRANSDISCIPLINARY STUDY OF A NATURAL LANGUAGE GRAMMAR CONTRIBUTE TO SOCIOLIGUISTICS (THE CASE OF BURYAT)

Polina P. Dashinimaeva

Department of Translation and Intercultural Communication,
Banzarov Buryat State University
Russian Federation

Erzhena Z. Nimaeva

Banzarov Buryat State University
Russian Federation

The paper takes an attempt to convince sociolinguists to consider a regional language not as external linguistic properties, but through the prism of basic principles of speech production and neurophysiological foundations of languages' interaction mechanism. The other objective is to theoretically substantiate the hypothesis that grammar (syntax and morphology) has a higher level of entrenchment in a bi- and polylingual mind, whereupon grammar becoming the terminal to be lost at the reverse stage of bilingualism last. The authors claim that the functional regression which occurs as a result of complex cognitive processes is determined by the relationship between the mental lexicon and mental grammar. The hypothesis is theoretically and partly practically grounded by referring to the cognitive approach to syntax and to the experiment data to identify the degree of the mother language extinction.

Keywords: *bilingualism, speech production, interlanguage, grammar, the Buryat language, Buryat-Russian bilingualism*

Все кошки оказываются серыми в сумерках всеобщей структурности

Л.С. Выготский

Введение

Приведенная в эпиграфе метафора, которая отрицает априорную закономерность отношений между формальным знаком и соответствующей семантикой, озвучена нашим замечательным соотечественником Л.С. Выготским почти столетие назад. Сегодня едва ли найдется лингвист, ратующий за тождество связей между наименованиями и значениями, или универсальность восприятия внешнего мира, тем не менее языковые средства любого языка требуют постоянного методологического обновления/пересмотра для более современного изучения лингвистического объекта в его перманентной функциональной динамике.

Традиционно социолингвистика определяет объекты интереса сквозь призму общественных функций языка и воздействия социальных факторов на (не)эффективность его использования как средства взаимопонимания. Другими словами, траектория идет от «социо» к лингвистике. В данной работе предлагается рассмотреть направление от «лингво» к «социо», т.е. репрезентовать язык-речь-мышление как уникальную «жизнь» в когнитивном

пространстве индивидуума таким образом, чтобы высветить причины глобальных изменений функционального потенциала регионального языка.

В свете сказанного интересной представляется идея ревизии путей описания именно грамматических средств для вывода его результатов в поле региональной языковой политики, поскольку в рамках темы «функциональный регресс языка» основное исследовательское внимание традиционно направлено на лексику.

Би- и полилингвизм, получивший в современном мире широкую актуализацию, особенно в полиэтнических государствах, логично изучается не только как положительный социолингвистический феномен, но и как фактор, усугубляющий функционирование одного/двух кодов полилингва. Так, тема би-, поликодности в целом представляется актуальной во многих аспектах: 1) социолингвистическом: с точки зрения проблемы сохранения миноритарных языков; 2) психолингвистическом: с точки зрения сосуществования кодов и взаимоотношений уровней языка в частности, и механизма речепорождения в целом; 3) этнолингвокультурологическом: с точки зрения отражения в языке способа мышления носителей культуры и др.

Нами рассматривается тема бурятско-русского билингвизма в психосоциолингвистическом аспекте. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании следующей гипотезы: грамматика – синтаксис и морфология – обладает наибольшей «силой закрепления» в памяти би- и полилингва, вследствие чего при реверсивной стадии билингвизма утрачивается в последнюю очередь.

Бурятский и русский языки в Республике Бурятия. Социолингвистическая справка

Прежде чем приступить к теоретическому обоснованию выдвинутого предположения, следует рассмотреть, каковы место и роль бурятского и русского языков в языковой ситуации в Бурятии. Г.А. Дырхеева в статье «Языковая ситуация в Республике Бурятия» отмечает, что «в целом для республики характерна несбалансированная социально-коммуникативная система с набором языков, неравнозначных в функциональном отношении... Объем общественных функций, выполняемых бурятским языком незначителен, сфер социально-культурной жизни, в которых бурятский язык употребляется достаточно интенсивно, немного, социальная база литературного бурятского языка постепенно сокращается» [Дырхеева, 2018: 304].

Как известно, русский язык является государственным языком на всей территории Российской Федерации и одним из шести официальных и рабочих языков ООН [Филиппова, 2014]. В Бурятии русский язык бытует с XVII в., но процесс его наиболее широкого

распространения и функционирования начался в XX в., и «в настоящее время он употребляется во всех сферах общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни республики, постепенно вытеснив бурятский язык, даже в районах с преобладающим бурятским населением» [Дырхеева, 2018: 304]. Автор данной аналитики объясняет низкий функциональный статус бурятского языка, являющегося на территории Республики Бурятия государственным, исторической отсылкой к 1930–1980-е годы – времени, когда и произошли существенные перекосы в национально-языковой жизни страны.

Понятно, что подобное описание внешней стороны языковой ситуации не проливает свет на внутренние механизмы внутри- и межкодовых хитросплетений в коре головного мозга конкретного носителя языков – причины-следствия, постепенно запускающей реверсивную стадию развития второго государственного языка в регионе.

Теории порождения речи и когнитивные механизмы взаимодействия кодов

Как уже отмечено выше, рассмотрение темы би- и полилингвизма в психосоциолингвистическом аспекте предполагает описание состояния бурятского языка в современной языковой ситуации посредством предмета психолингвистики (и когнитологии в целом), в нашем случае – с опорой на основные принципы теорий речепорождения и нейрофизиологические основания механизма взаимодействия языков.

Процесс порождения речи рассматривался в отечественной и зарубежной психо- и нейролингвистике такими учеными, как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, Т.В. Ахутина, А.Р. Лурия, Н.И. Жинкин, Т.Н. Ушакова, В. Левелт, М. Гаррет, К. Бок и др.

Т.В. Ахутина выделяет следующие основные принципы организации модели речепорождения, которые совпадают у отечественных и зарубежных исследователей: 1) «представление порождения речи как многоуровневого процесса, на каждом из которых специфически репрезентировано будущее высказывание»; 2) разделение синтаксических и лексических операций; 3) организация уровней по модели «фрейм-слот»; 4) выбор значений слов и выбор форм слов; 5) прямые и обратные связи и зависимость от конкурирующих стратегий [Ахутина, 2019: 95]. Названные принципы, характеризуют модели монолингвального речепорождения, выводят за скобки интеркодовые соревнования за выход в речемоторный этап, тем не менее они выступают, как нам представляется, также в качестве базовых для моделей би- и полилингвального речепорождения.

Рассмотрим когнитивные факторы, обеспечивающие развитие би-, поликода относительно отдельно взятого Homo Loquens в рамках когнитивной концепции *интерязыка*, который понимается нами «и как отношения между языками, и как надстандартная форма

языка», а именно: 1) в нейрофизиологическом смысле как «когнитивное пространство взаимоотношений между языками, которыми владеет билингв/полилингв»; 2) «динамический саморазвивающийся продукт взаимодействия первого, второго (и третьего) языков, своего рода промежуточная система-консенсус когнитивного соперничества кодов» [Дашинимаева, 2010: 194]. Иначе говоря, интерязык не понимается нами как внешние отношения между кодами би-, полилингва, а как процесс внутри головного мозга по приведению в относительный баланс неравноценных функциональных возможностей кодов для обеспечения субъекта инструментом коммуникации (в нашем случае – ненормативным). Данный синергетический механизм запуска самоорганизации чаще носит неосознанный характер. Конечно, подобное нерелевантное, с точки зрения отсутствия функционального равенства, состояние имеет свои исходные основания.

Речь идет о нейроанатомических устройствах и нейрофизиологических принципах активации мозга человека, когда мы занимаемся речемыслительной деятельностью. Эти когнитивные факторы, которые в совокупности составляют «когнитивную архитектуру головного мозга» и постепенно вызывают асимметричное протекание двуязычия с «согласия» субъекта, сводятся к следующим семиотическим принципам: 1) функциональная билатерализация мозга и автономный формат хранения и активации формы и семантики, с одной стороны, и формальных знаков разных языков, с другой; 2) единость концептуально-семантической системы для двух «взрослых» языков; 3) статика формального знака (как внешней оболочки) на фоне постоянного видоизменения внутренней концептуально-семантической системы; 4) когнитивное взаимодействие кодов интерязыка по принципу состязательности; 5) системогенез, т.е. новый способ согласования – специализации – клеток [Там же]. В рамках нашего исследования особое внимание привлекает четвертый фактор, согласно которому «языки всегда пребывают в условиях когнитивно-функционального соперничества, в результате которого один из них занимает более доминирующую позицию» [Там же: 210], т.к. при критической степени такого доминирования может наступить потеря уровня/уровней языка, что является угрозой витальности языка.

На наш взгляд, решение проблем ревитализации языка требует более тщательного изучения сути когнитивных механизмов, производящих поэтапные и поуровневые потери: во-первых, регресс не наступает в одночасье; во-вторых, как выше отмечено, порождение речи имеет свою когнитивную алгоритмику, что в свою очередь указывает на функциональные взаимоотношения и влияния этапов семиозиса и уровней языка друг на друга.

Здесь интересно привлечь мнение М. Парадиза, согласно которому классифицируются у билингов-афазиков следующие принципы потери языка: синергистический и дифференциальный, последовательный, селективный, антагонистический (один язык регрессирует, другой прогрессирует), смешанный (билингв систематически смешивает признаки языков на каком-нибудь или всех уровнях языковой организации) [Paradis, 1987: 117]. Абстрагируясь от описания потерь языка(ов), носящих природу афизиологической патологии, отметим, что применительно к бурятско-русскому двуязычию имеют место антагонистический и смешанный типы потери языков.

Наши наблюдения убеждают нас в том, что в основе функционального регресса языка как следствия сложных когнитивных процессов лежат взаимоотношения между ментальным лексиконом и ментальной грамматикой – сущностями, не носящими в традиционно лингвистическом смысле формально-языковую природу. С лексиконом более понятно, т.к. речь идет о том, каким образом оскудевает лексическая матрица как родо-видовая иерархия: в памяти остаются активными те связки простых номинаций, которые целесообразны, потому что они частотны с их максимальной утилитарностью.

Когда мы говорим, что интерязык индивида в итоге так или иначе самоорганизовывает дискурс, справляясь с минимальной задачей участия в коммуникации, имеем ли в виду, что критерий целесообразности и утилитарности срабатывает также в случае с грамматикой? Всегда ли значительные сложности с извлечением единиц из ментального лексикона указывают на полную потерю языка? Каково место и роль ментальной грамматики в интерязыке? Может ли идти речь о последовательной дисфункционализации ментального лексикона как триггере, приводящем в движение дисфункционализацию ментальной грамматики? В следующем параграфе попробуем сформулировать в первом приближении часть ответов на эти насущные для региональной языковой политики вопросы.

Внутренний синтаксис vs коды интерязыка

Реверсивный тип естественного билингвизма подразумевает постепенное – поуровневое – движение языка назад. Для более детального понимания удобно здесь обратиться к теории педоморфоза Б. Бичакжиана, согласно которой регрессирующий код последовательно отходит назад к исходным позициям раннего периода онтогенеза [Bichakjian, 1999], при этом речь идет об утрате лексического разнообразия и приходе к базовому словнику – ядру лексикона. Насколько нам известно, педоморфозис не затрагивает вопрос способов взаимодействия лексики и грамматики, с одной стороны, и путей

регрессирования внутренней – довербальной – грамматики, с другой. Что касается исследований процесса взаимовлияния кодов именно в бурятско-русском речепорождении, также получил гораздо большее освещение уровень лексики, чем морфологии и синтаксиса.

Как заявлено выше, нами выдвигается исследовательская гипотеза о том, что и внешняя, и внутренняя грамматика «покидают» функциональный остов кода интерязыка в последнюю очередь.

Напомним *классическое* понимание синтаксиса языка: «...его синтаксический строй, совокупность синтаксических единиц, связей и отношений между ними, а также закономерности, регулирующие построение синтаксических конструкций» [Бабайцева, 2020: 5]. Традиционное понимание синтаксиса в зарубежной лингвистике совпадает с пониманием в отечественной: «...Это относится к области грамматики, изучающей способы расположения слов с соответствующими флексиями или без них, чтобы показать смысловые связи в предложении» [Matthews, 1981: 1]. А.А. Реформатский отмечает, что момент коммуникации, который заключается в том, что «одно названное определяется другим», регистрируется именно этим разделом лингвистики [Реформатский, 2005: 324].

Для понимания причин регрессирования языка в голове би-, полилингва, конечно, следует обратиться не к дескриптивному, а к когнитивному подходу к синтаксису. Здесь кратко представим идеи коннекционистской модели в плане онтогенеза Брайана МакУинни (2000, 2005), который представляет процесс порождения и восприятия речи с психонейрофизиологическими основаниями. По его мнению, грамматика является условием формирования так называемой «семантической карты», т.е. создания лексикона, по следующим мотивам: граммема, в частности синтаксема, категоризируют словоформы для их объединения в качестве лексической составляющей, в результате формируются звуковые образы, которые обеспечивают грамматику-лексическую совокупности выход во внешнюю речь. Другими словами, аудиокомплексы претерпевают морфосинтаксическое упорядочивание и ревизию, которые автор также описывает как выполнение роли «аргументного фрейма» [MacWhinney, 2005]: порождение речи происходит как процесс состязания на предмет соответствия исходному коммуникативному намерению и замыслу.

Как следует из сказанного, на глубинном уровне семиозиса грамматика выполняет роль «дирижера». Примерно та же самая модель в другой терминологии предлагается отечественным ученым Т.В. Ахутиной, модель речепорождения которой обоснованно приближает нас к ситуации «на самом деле».

Автором выделяются следующие уровни синтаксиса: 1) синтаксис первого уровня – смысловой (отбор наиболее существенной информации, в результате которого «строится

набор пропозиций»); 2) синтаксис второго уровня – семантический (группировка «предикативных пар в падежные рамки, соотносимые с поверхностными структурами»); 3) этап построения формально-грамматической структуры [Ахутина, 2019: 191–196]. Отмечается, что данные три разноуровневые операции являются операциями одного типа – «их осуществление можно представить как актуализацию фрейма, слоты которого заполняются с помощью операций выбора элементов из семантико-лексических парадигм соответствующего уровня» [Там же: 191]. В результате исследований Т.В. Ахутина приходит к выводу о «взаимодействии номинативных и синтаксических механизмов, их взаимодополнительности и взаимозаменяемости» [Там же].

Важно отметить, что роль синтаксиса в процессе речепорождения в целом, на довербальном (внутреннем) и вербальном (внешнем) уровнях по отдельности подтверждается положением о предикативности внутренней речи Л.С. Выготского: «Предикативность является основной и единственной формой внутренней речи, которая вся состоит с психологической точки зрения из одних сказуемых» ввиду «абсолютной и постоянной» известности нам самим темы нашего внутреннего диалога [Выготский, 2021: 405, 407]. Кроме того, Л.С. Выготский отмечал «тенденцию к сокращению и к чистой предикативности суждений» в устной (внешней) речи при известности темы собеседникам и при выражении психологического контекста, выраженного при помощи интонации [Там же: 405].

Таким образом, так называемые коннекционистские модели (*usage-based models*), которые рассматривают когнитивные процессы во взаимосвязи всех составляющих, подразумевая, что все активируемые сущности из знаний в момент порождения речи включаются в единую ассоциативную сеть, в итоге опровергают структуралистские и генеративные модели. В последних лишь сама структура грамматических форм детерминирует их репрезентацию в памяти говорящего. В модели, основанной на употреблении, репрезентацию грамматических единиц в памяти детерминируют также такие свойства употребления высказываний в коммуникации, как: 1) частотность отдельных грамматических форм и структур, 2) значения слов и конструкций в их реальном использовании [William Croft et al., 2005].

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что хотя предикат «заполняется» лексической единицей, но вопрос прочности закрепления в памяти би- и полилингва относится к синтаксической организации дискурса, прежде всего роли предиката, который представляет собой центральный – частотный – элемент внутренней речи.

Приведем пример, иллюстрирующий объективность сформулированного вывода. Порядок слов в бурятском литературном языке и в диалектах является строго

фиксированным: «в простом предложении предикат со всеми относящимися к нему частицами располагается в самом конце, субъект предшествует ему» [Даржаева, Цыренов, 2016: 8, 9]. Возьмем дискурс *Би буряад дуунуудые шагнаха дуратайб* (досл. ‘Я бурятские песни слушать люблю’, норм. ‘Я люблю слушать бурятские песни’), который иллюстрирует данное синтаксическое правило. Однако, допустим, у субъекта есть первоначальное намерение поделиться данной мыслью на бурятском языке, однако у него возникают трудности с извлечением единиц из ментального лексикона, тогда наступает ситуация самоорганизации дискурса с переключением кодов. Отметим, переключение кода может быть обусловлено разными факторами, в частности по психологическим причинам, этическим мотивам и т.д., но в нашем примере мы предполагаем варианты переключения по причине затрудненного доступа к ментальному лексикону бурятского кода.

Ниже даны одиннадцать потенциально возможных вариантов предложения с переключениями различного состава (вставки на русском языке выделены курсивом) и траектории, кроме того, последовательность с 1 до 11 иллюстрирует градуальность функционального регресса бурятского языка.

1. *Би буряад песненүүдые шагнаха дуратайб.*
2. *Шагнаха буряад дуунууды дуратайб.*
3. *Би буряад дуунуудые шагнаха люблю.*
4. *Би буряад песненүүдые слушать люблю.*
5. *Би бурятские песни слушать люблю.*
6. *Я бурятские песни слушать люблю.*
7. *Би шагнаха дуратайб бурятские песни.*
8. *Би слушать люблю буряад дуунууды.*
9. *Шагнаха дуратайб бурятские песни.*
10. *Слушать дуратайб бурятские песни.*
11. *Люблю бурятские песни слушать.*

В вариантах 1–6 сохраняется последняя позиция предиката, что может свидетельствовать о достаточно прочной закреплённости синтаксического правила бурятского языка в памяти билингва, хотя в 3–6 предикат в частности передается русскими эквивалентами; в вариантах 7–11 наблюдается ненормативная позиция предиката, что может говорить не только о постепенном регрессе бурятского кода, а уже об угрозе его исчезновения в интерязыке билингва. Основанием для такого вывода является когнитивно-пропозициональная роль внутреннего синтаксиса в планировании и аргументации будущего высказывания, что центрируется особенно в части предиката.

Морфологическая форма как участник конструирования довербальной пропозиции

На морфологию бурятского языка предлагается посмотреть не столько с точки зрения морфемы как неотъемлемой части синтаксиса, сколько в метаязыковом аспекте отрицанием стереотипа о морфологических маркерах, отождествляемых с инструментами передачи универсального внешнеграмматического значения.

Рассмотрим морфологическую категорию вида бурятского языка. Известно, что вид, будучи наиболее грамматизированной частью семантики характера протекания, распределения во времени и направления действия, входит в поле аспектуальности в качестве его центрального компонента. Конечно, и вид, и аспект – языковые универсалии, которые соотносятся как частное и общее, о чем обоснованно писал Ю.С. Маслов [Маслов, 2004]. Однако, когда грамматические формы, вступая в разные виды взаимоотношений с лексикой, не всегда могут навязать исходные значения в дискурсе, значит ли это, что морфология функционально слабее лексемы, выполняющей в словоформе некую роль семантического донора?

Обратимся к устному дискурсу.

Энэш юумээ нюухадана бээ? Эхэдээ адли бэшэ: тэрэнь хэлэхэдэжэрхидэг *hэн бэлэй*. *‘Однако эта что-то да скрывает, аа, умалчивает (хитренькая)? Непохожа на мать: та-то, бывало, возьмет да и скажет (то, о чем она подумала), сколько раз слышали (были очевидцами).’*

Здесь курсивом выделены словоизменяемые морфемы *-на* и *-дэг*, которые передают внешние, т.е. нейтральные, видовые значения: первая – процессность в настоящем времени, вторая – кратность протекания действия. Послеглагольные частицы *hэн бэлэй* в связке со вторым суффиксом усиливают семантику кратности, с одной стороны, но также выражают категорию эвиденциальности (засвидетельствования описываемого факта).

Агглютинаты с модально-имплицитным функциональным потенциалом *-хада*, *-хэдэ*, сращенный аффикс *-жэрхи* помимо «характеристики» действия приносят оценку авторского отношения к субъекту и к соответствующему действию/стилю поведения

В первом предложении это неодобрение и упрек по поводу того, что персонаж не откровенен; во втором реализована семантика разных видов: быстрота принятия решения, решительность действия; неожиданность и необщепринятость подобного акта поведения, при этом морфема *-хэдэ-* в купе с *-жэрхи* выражает дополнительную коннотацию, ставя акцент на идее всего высказывания (в переводе такой акцент манифестирует весь дискурс).

Как видно из дискурса, русский язык в переводе случаев с антропо-агглютинатами и частицами привлекает развернутые лексические сочетания, выражающие смелость, непредсказуемость, решительность, потому целевой дискурс по объему намного больше, чем оригинал.

В рамках исследования заданной темы нами проведен экспресс-эксперимент с 10 испытуемыми (и.и.): половина и.и. представляли бурятско-русский формат двуязычия, другая половина – русско-бурятский. Поскольку наш фокус внимания направлен на выявление степени утраты родного языка, привлекались молодые респонденты, все студенты, возраст – 18–22 г.

Задание состояло из двух устных этапов: 1) обратный перевод (последовательный) рассмотренного выше целевого дискурса на бурятский язык; 2) перевод изолированных лексем *нюухадана* и *хэлэхэдэжэрхидэг* на русский язык.

В итоге устный и спонтанный перевод на русский язык данных предложений (*Однако эта что-то да скрывает, аа, умалчивает (хитренькая)? Непохожа на мать: та-то, бывало, возьмет да и скажет (то, о чем она подумала), сколько раз слышали (были очевидцами)*) получил 9 вариаций перевода и переложения. Самый значимый (для нашей гипотезы) итог состоял в том, что ни один респондент из 10 не смог вовлечь в свой перевод «очеловеченные» агглютинаты, способные компактно – на морфологическом уровне – передать наименьшим количеством слов аспектуальные смыслы наряду с коннотацией. В результате отсутствовал динамизм спонтанной речи, который актуализируется посредством агглютинативных средств.

Хотя участники не смогли распознать бурятский морфологический эквивалент, соответствующий русским лексемам, данные эксперимента дают частичный ответ на вопрос, заданный выше (о степени слабости морфологии относительно лексики): агглютинат также способен выполнять роль семантического донора, при этом сильную роль, поскольку данное средство реализует ее имплицитно.

Итоги второго этапа перевода оказались достаточно неожиданными: четверо из пяти бурятско-русских билингов смогли «считать» имплицитную семантику внутренних суффиксов в предикатах, лишенных контекста, и предложили вполне приемлемые переводы: *явно / очевидно, что скрывает; вишь, скрывает; так и выскажет; резко скажет; смело выскажется*. Три русско-бурятских билинга перевели однотипно как *скрывает / говорит*, т.е. не смогли передать модальные оттенки агглютинатов на лексическом уровне, при этом их выражения лиц свидетельствовали об их неуверенности, насколько правильно поняты ими сами глагольные значения.

Для нас данный итог оказался крайне любопытным ввиду некоей асимметрии: носители, хорошо владеющие родным языком, распознают за грамматической семантикой имплицитную модальность на уровне знания, однако оказываются неспособными неосознанно быстро применить эти знания в спонтанной речи в виде вариантного морфологического соответствия на языке перевода. Когда билингв распознает модально-имплицитную морфологическую семантику, услышав словоформу, но не способен быстро аналитическим путем – опираясь на принцип логических соотношений – вспомнить ее наличие в системе языка для привлечения в переводе, это сигнал функционального ослабления родного языка на глубинном когнитивном уровне.

Заключение

Рассмотренные в статье идеи и положения подтверждают необходимость попыток заглянуть, переступив за границы формального описания бурятско-русского дискурса, в область довербальной грамматики когнитивного пространства конкретного би-, полилингва. Так, вышеизложенное аргументирует и акцентирует следующие идеи:

1. Языковая политика не должна базироваться на результатах лингвистических и социолингвистических исследований, где описывается лишь внешняя картина видоизменений функционала языка.

2. Лингвистические и социальные характеристики языковой и речевой ситуации как видимое, слышимое или наблюдаемое следствие являются обобщением высокого уровня, не объясняющим основания их появления.

3. Причины, вызывающие патологии функционирования кодов интерязыка, раскрываются обращением к когнитивному механизму активации речемышления, порождения и восприятия речи, к принципу кратности и соотнесенности элементов и уровней внутри языка и между языками – единственному принципу, в рамках которого осуществляется освоение, развитие и совершенствование кодов интерязыка в отдельно взятой голове би-, полилингва.

4. Будущее высказывание, прежде чем реализоваться в языковом знаке, активируется в виде довербального синтаксиса, носящего аргументно-пропозиционный характер, где выполняются аналитические ментальные шаги, в частности метонимические связи, носящие все еще этноцентрированное мышление.

5. Пути ревитализации регионального языка, предотвращения перекоса вектора функционирования билингвизма в регионе должны исходить из результатов мониторинга, определяющего степень и качество наступивших потерь, в основе которого должен лежать трансдисциплинарный подход.

Литература

- Ахутина Т.В.* (2019) Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса. М.: ЛИБРОКОМ. 218 с.
- Бабайцева В.В.* (2020) Синтаксис русского языка. 3-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА. 576 с.
- Выготский Л.В.* (2021) Мышление и речь. СПб.: Питер. 432 с.
- Даржаева Н.Б., Цыренов Б.Д.* (2016) Синтаксис бурятской разговорной речи: Предварительный очерк // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. Т. 14. № 2. С. 5–12.
- Дашинимаева П.П.* (2010) Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводаемости. Дисс. ... докт.филол. наук. Улан-Удэ. 378 с.
- Дырхеева Г.А.* (2018) Языковая ситуация в Республике Бурятия // Мир Большого Алтая. Т. 4. № 2. С. 302–320. DOI: [10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320](https://doi.org/10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320)
- Реформатский А.А.* (2005) Введение в языковедение: Учебник для вузов. М.: Аспект Пресс. 536 с.
- Филиппова И.Н.* (2014) Сравнительная типология немецкого и русского языков. М.: ФЛИНТА ; Наука. 128 с.
- Bichakjian, V.H.* (1999) Language Evolution and the Complexity Criterion: Target Article // *Psychology*. № 10 (033).
- Croft, W., Cruse, D. A.* (2005) *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 356 p.
- Matthews, P. H.* (1981) *Syntax*. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p.
- MacWhinney, B.* (2000) Connectionism and Language Learning // *Usage-based Models of Language* / Eds Barlow M. & Kemmer S. Stanford. Pp. 121–150.
- MacWhinney, B.* (2005) New Directions in the Competition Model // *Beyond Nature-Nurture: Essays in Honor of Elizabeth Bates*. Mahwah; New Jersey; London. Pp. 81–110.
- Paradis, M.* (1987) *The Assessment of Bilingual Aphasia*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Pubs. 241 p.

References

- Akhutina, T.V.* (2019) Porozhdenie rechi: Neyrolingvisticheskiy analiz sintaksisa [Speech Production. Neurolinguistic Syntax Analysis]. М.: LIBROKOM. 218 p. (In Russ.)
- Babaytseva, V.V.* (2020) Sintaksis russkogo yazyka [Russian Syntax]. М.: FLINTA. 576 p. (In Russ.)
- Bichakjian V.H.* (1999) Language Evolution and the Complexity Criterion: Target Article // *Psychology*. No. 10 (033).
- Vygotsky, L.V.* (2021) Myshlenie i rech' [Thinking and Speech]. SPb.: Piter. 432 p. (In Russ.)
- Darzhaeva, N.B., Tsyrenov, B.D.* (2016) Sintaksis buryatskoy razgovornoy rechi: Predvaritel'nyy ocherk [Syntax of the Buryat Spoken Language: A Preliminary Sketch] // *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Vol. 14. No. 2. Pp. 5–12. (In Russ.)
- Dashinimaeva, P.P.* (2010) Teoriya znachimosti kak osnova psikhoneirolingvisticheskoi kontseptsii neperevodimosti [The Theory of Salience as a Psycholinguistic Basis of Intranslatability]. Ulan-Ude. 378 p.

- Dyrkheeva, G.A.* (2018) Yazykovaya situatsiya v Respublike Buryatiya [The Language Situation in the Buryat Republic] // *Mir Bol'shogo Altaya*. Vol. 4. No. 2. Pp. 302–320. (In Russ.) DOI: 10.31551/2410-2725-2018-4-2-302-320 (In Russ.)
- Reformatskii, A.A.* (2005) *Vvedeniye v yazykoznaniiye* [Introduction to Linguistics]. M.: Aspekt Press. 536 p. (In Russ.)
- Filippova, I.N.* *Sravnitel'naya tipologiya nemetskogo i russkogo yazykov* [Comparative Typology of German and Russian Languages]. Moscow: FLINTA ; Nauka. 128 p. (In Russ.)
- Croft, W., Cruse, D.A.* (2005) *Cognitive Linguistics*. Cambridge: Cambridge University Press. 356 p.
- Mathews, P.H.* (1981) *Syntax*. Cambridge: Cambridge University Press. 306 p. (In Eng.)
- MacWhinney, B.* (2000) *Connectionism and Language Learning // Usage-based Models of Language / Eds Barlow M. & Kemmer S. Stanford*. Pp. 121–150.
- MacWhinney, B.* (2005) *New Directions in the Competition Model // Beyond Nature-Nurture: Essays in Honor of Elizabeth Bates. Mahwah; New Jersey; London*. Pp. 81-110. (In Eng.)
- Paradis M.* (1987) *The Assessment of Bilingual Aphasia*. Hills-dale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Pubs. 241 p. (In Eng.)
-

Дашинимаева Полина Пурбуевна – доктор филологических наук, профессор, кафедра перевода и межкультурной коммуникации, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Адрес: 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6.

Эл. адрес: pdash@bsu.ru

Нимаева Эржена Зориктеевна – аспирант, Бурятский государственный университет имени Д. Банзарова.

Адрес: 670000, Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6.

Эл. адрес: nimaeva.erzhena@mail.ru

Для цитирования: *Дашинимаева П.П., Нимаева Э.З.* Что может дать социолингвистике трансдисциплинарное исследование грамматики естественного языка: (На материале бурятского) [Электронный ресурс] // *Социолингвистика*. 2022. № 4 (12). С. 108–121. DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-108-121

For citation: *Dashinimaeva, P.P., Nimaeva E.Z.* How can transdisciplinary study of a natural language grammar contribute to sociolinguistics: (The case of Buryat) [online] // *Sociolinguistics*. 2022. No. 4 (12). Pp. 108–121. (In Russ.) DOI: 10.37892/2713–2951-4-12-108-121